

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

*Н.С. РОЗОВ***Геополитика, геоэкономика
и геокультура:
взаимосвязь динамических сфер
в истории России**

В статье намечен подход к концептуальному объединению динамических моделей основных сфер международных взаимодействий – геополитики, геоэкономики и геокультуры – с целью приложения к российской истории и современности. Показана сложность динамики геокультурных влияний, зависящая как от внутреннего расклада политических сил и центров символического производства (прежде всего, идеологического), так и от ритмов и волн универсалистских и локалистских идеологий, поступающих со всегда референтного для России Запада.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, геокультура, циклы гегемонии, историческая динамика, история России, культурное производство, западники и славянофилы, культурное производство, идеологии.

The paper presents an approach to conceptual integration of dynamic models of the main areas of international interaction: geopolitics, geo-economics and geoculture which are applied to historical and contemporary Russia. The complexity of geo-cultural influences depends both on internal alignment of political forces, centers of symbolic production (primarily, ideological) and on rhythms and waves of universalist and localist ideologies coming from the West which is always referent (both positively and negatively) to Russia.

Keywords: geopolitics, geo-economics, geoculture, cycles of hegemony, historical dynamics, Russian history, cultural production, the Westerners and the Slavophiles, cultural production, ideology.

Рассуждения о международных отношениях, как правило, ведутся в терминах геополитики (безопасность, силы, конфликты, коалиции) или геоэкономики (рост, развитие, торговля, инвестиции, зависимость и проч.). Значительно реже мыслят в терминах геокультуры (престиж, обмен, культурное влияние, единство или различие конфессий). Все понимают, что эти сферы тесно взаимосвязаны, но систематически, на теоретическом уровне эта связь пока не раскрыта. Представим несколько теоретических моделей для каждой из этих сфер, на мой взгляд, наиболее конструктивных, с тем, чтобы показать основные типы динамического взаимодействия между ними на материале истории России.

Модели геополитической динамики

Геополитическая динамика включает закономерности изменения военно-политического контроля на территориях, организации военной силы и мобилизации ресурсов для этого, сдвигов в международном могуществе, влиянии и престиже. Используемая в этой связи **концепция смены циклов гегемонии по Дж. Модельски** схематически представлена на рисунке 1. В данной концепции речь идет об уровне “спроса на порядок” (ось *Y*), то есть спроса на контроль над применением насилия в международной системе, и об уровне “предложения порядка” (ось *X*), который обычно предоставляет держава-гегемон (сверхдержава или стабильные отношения между несколькими сильнейшими державами).

При низком спросе и низком предложении начинается неконтролируемое насилие (захватнические войны, переделы зон влияния, рост пиратства и т.д.). Резко растет спрос на порядок, но предложение за ним не поспевает и остается низким. Системное решение, консолидация и проверка сил нередко происходят в решающих войнах, хотя возможны и мирные сдвиги в структурах могущества, как в 1989–1991 гг. (фаза 1 – “Глобальная война”).

По результатам системного решения и проверки сил происходит выделение гегемона или лидирующей связки великих держав, предложение порядка достигает максимума при сохраняющемся высоком спросе на порядок (фаза 2 – “Мировая держава”). Политики и народы при смене поколений привыкают к порядку как само собой разумеющемуся, могущество и лидерство державы-гегемона обесцениваются, спрос на порядок резко падает при сохраняющемся высоком предложении (фаза 3 – “Делегитимация”). Наконец, при малом спросе на порядок политики, бизнес, население сокращают издержки на поддержание порядка, преимущество державы-гегемона и/или лидирующей коалиции резко падает, что возвращает систему к исходному состоянию низкого спроса на порядок при низком предложении (фаза 4 – “Деконцентрация”).

В концепции Модельски важнейшей является фаза 1 “Глобальная война”, поскольку ее результат затем закрепляется на протяжении остальных фаз, пока особо сильный кризис в фазе 4 “Деконцентрация” не приведет к новому конфликту и переустройству геополитической карты. Соответственно, надо предполагать, что характер внутренних циклов российской политики существенно различается в зависимости от синхронизации/десинхронизации с внешним геополитическим циклом. Структурирование европейской и мировой истории, согласно концепции Модельски, показано на рисунке 2.

Модель смены гегемоний можно дополнить концепцией **“Великого Лимитрофа” и “твердых платформ” по В. Цымбурскому**. [Цымбурский, 2000]. Ее основные положения таковы:

- в каждой цивилизации есть твердое ядро – относительно этнически однородная “платформа” и периферия;
- нет непроходимых границ между перифериями соседних цивилизаций, они образуют лимитроф;
- главное содержание конфликтов – не столкновение цивилизаций (по С. Хантингтону), а борьба платформ за контроль над частями Лимитрофа.

Концепция Цымбурского интересна, перспективна, но слабо теоретизирована. Дополню ее следующими динамическими принципами. Вызовы со стороны “твердых платформ” приводят к разным ответам народов Лимитрофа, что задает этнокультурную, религиозную и геополитическую конфигурацию.

Ответы народов Лимитрофа на вызовы ослабления “платформы” в общем сводятся к трем вариантам. Они могут, во-первых, примкнуть к иной платформе, если мала опасность подчинения, культурной ассимиляции и высок геокультурный престиж новой платформы (Прибалтика, Центральная Европа, Грузия); во-вторых – лавировать, получая выгоду от обеих платформ, если платформа отдалена, есть большие

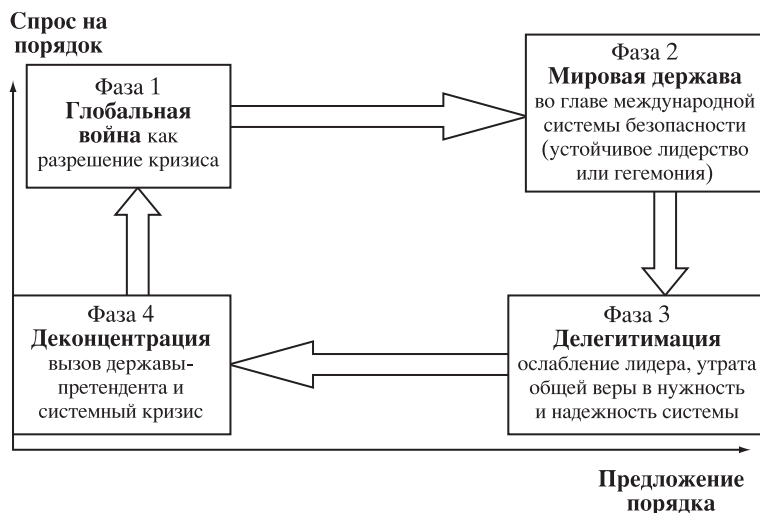

Рис. 1. Фазовая модель долгих циклов мировой политики, построенная в параметрическом пространстве “спрос на порядок / предложение порядка” [Моделски, 2003].

внутренние и внешние препятствия присоединения (Украина, Азербайджан, страны Средней Азии). Наконец, они, возможно, попытаются выстроить свою “ось” (Польша, Украина).

Ответы народов Лимитрофа на вызовы усиления платформы (например, России, Турции, Европы или Китая) совсем иные. Прежде всего, если есть культурное родство, геокультурный престиж платформы и мала опасность ассимиляции, вероятно присоединение (Грузии и Армении к России в начале XIX в.). Если же высока опасность подчинения – искать защиты у чужой платформы или выстраивать свою идентичность (ламаизм монголов против китайской экспансии).

Стратегии платформ в отношении народов Лимитрофа следующие:

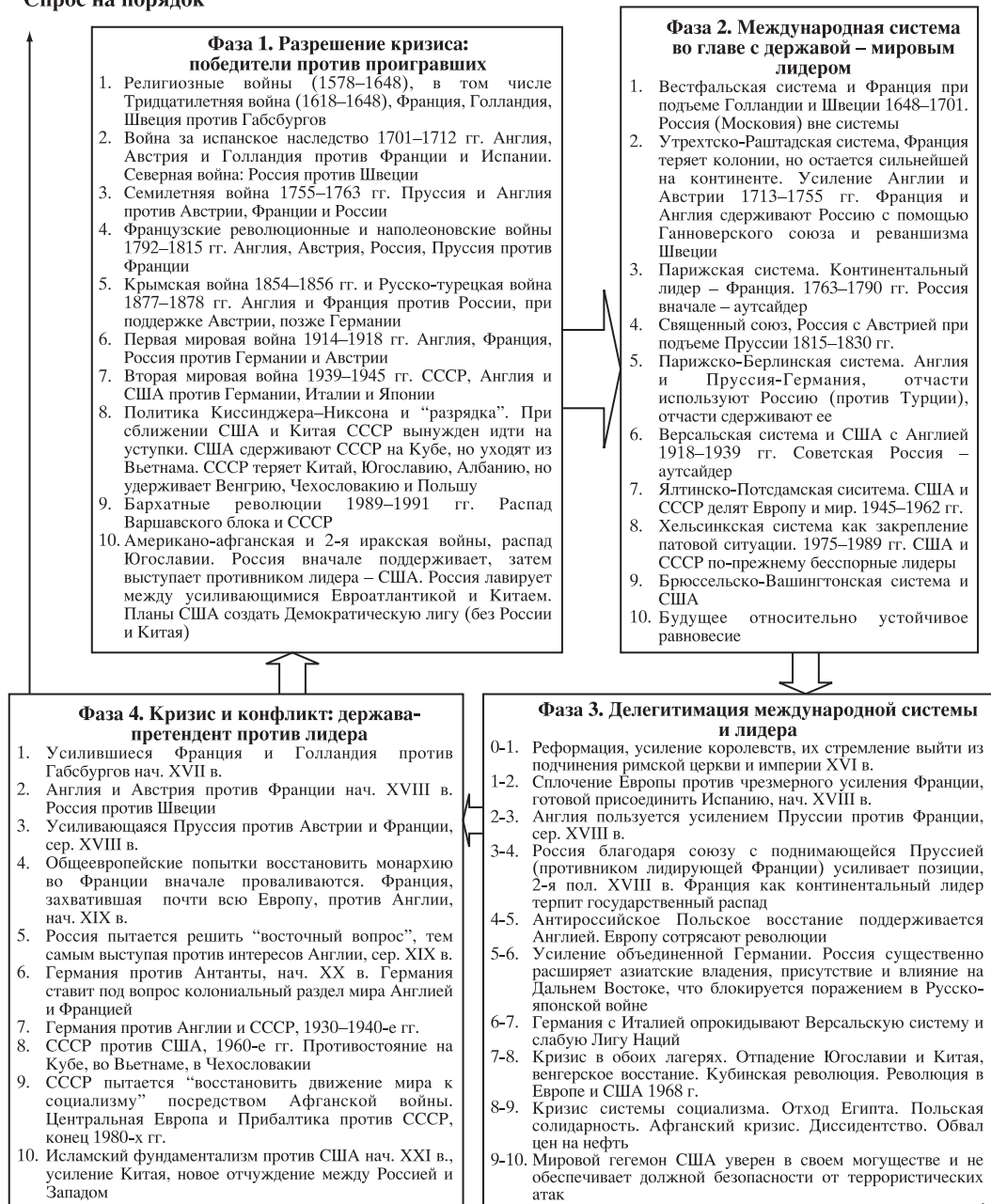
- присоединять слабых соседей, а при нехватке силы – делать их буферами;
- ослаблять народы, родственные с народом враждебной платформы (Западная Европа против православных сербов-славян);
- поддерживать культурно близкие и/или не слишком сильные народы, противостоящие враждебной платформе или ее союзникам (Западная Европа поддерживает Польшу, Прибалтику, Грузию, Россия – Абхазию и Приднестровье).

В концепции Моделски речь шла о международной системе вообще, в теории Лимитрофа – более специфично об отношениях между “твердыми платформами” и промежуточными народами. Чем же определяется военный успех и изменение величины контролируемых территорий для одного общества в больших промежутках времени? Ответ на такого рода вопросы дает **теория геополитической динамики Р. Коллинза** [Коллинз, 2000]. Она включает пять следующих принципов (в самых кратких формулировках).

Принцип ресурсного преимущества: более обширные, населенные и богатые державы имеют тенденцию мирным или военным путем расширяться за счет меньших, менее населенных и более бедных соседей.

Принцип окраинного преимущества: державы с окраинным преимуществом – меньшей протяженностью опасных границ – при прочих равных склонны расширяться за счет центральных держав, окруженных вероятными противниками.

Принцип фрагментации середины: центральные державы, если они не обеспечивают безопасность границ союзами, не могут получить ресурсное преимущество над соседями с окраинным преимуществом, с течением времени склонны к фрагментации (распаду или отпадению своих провинций).

Предложение порядка

Рис. 2. Создание и разрушение основных международных систем в Европе и мире в XVII–XXI вв.

Принцип решающих войн: упрощение геополитической ситуации через захват (или подчинение контролю) всей ойкумены двумя–тремя крупными окраинными державами ведет к “решающим войнам” (либо напряженному, преимущественно мирному, противостоянию с гонкой вооружений). Любой исход этих кампаний приводит к вакууму могущества, который затем заполняется либо победителем, либо (при истощении прежних противников) новой восходящей близлежащей державой.

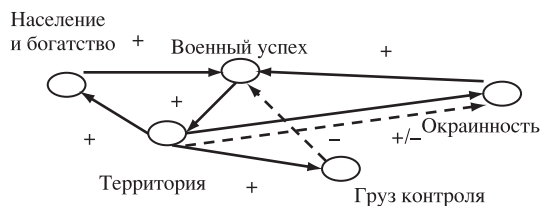

Рис. 3. Модель геополитической динамики по Коллинзу. Между размером территории и окраинностью – сложное взаимовлияние (двойная стрелка): если территория расширилась до некоторого географического препятствия (пустыни, неприступные горы, морское или океанское побережье, трудно форсируемая река), то окраинность повышается, если же территориальные завоевания приблизили вплотную к другой сильной державе (появилась новая опасная граница), то окраинность понижается.

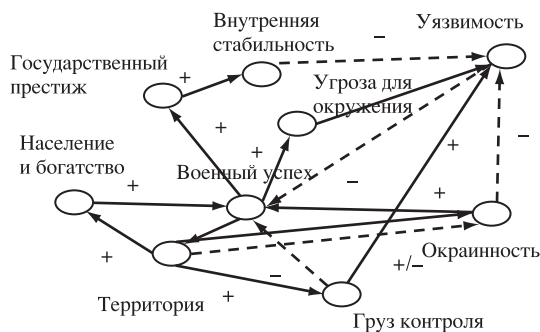

Рис. 4. Дополнение к геополитической модели Коллинза (двойная стрелка – см. пояснение к рис. 3).

Принцип сверхрасширения: чрезмерное расширение державы вследствие роста отчуждения отдаленных подчиненных народов и роста логистического груза контроля ведет к ее распаду или потере окраинных территорий.

Итак, теория Коллинза позволяет делать выводы относительно военных успехов, изменения могущества на территориях на основе динамики следующих взаимосвязанных переменных. Это относительная величина геополитических ресурсов (население и богатство), соотношение окраинности/центральности (протяженность и доля опасных границ в сравнении с безопасными), величина логистического груза контроля (см. рис. 3).

Прямым следствием военных побед, как известно, является внешнее и внутреннее повышение государственного престижа, легитимности власти и режима. Соответственно, рост престижа повышает внутреннюю стабильность. Последняя переменная крайне для нас важна, поскольку ее низкие значения выражают социально-политический кризис. При кризисе (крайне низкой стабильности) повышается внешняя уязвимость страны. Военные успехи имеют оборотную сторону: сильную державу начинают бояться. Растет угроза для ее окружения, что способствует созданию коалиций сдерживания и подавления, соответственно, растет уязвимость. Разумеется, уязвимость также зависит и от окраинности (чем больше опасных границ, тем страна менее окраинна и более уязвима). Сама же уязвимость, очевидно, препятствует военным успехам (соответствующее дополнение модели Коллинза см. на рис. 4).

Синтез моделей

Как связаны между собой столь разнородные модели? Сопоставим вначале частную концепцию Лимитрофа с более общей теорией геополитической динамики. Несложно увидеть основные соответствия. “Твердые платформы” Цымбурского – это

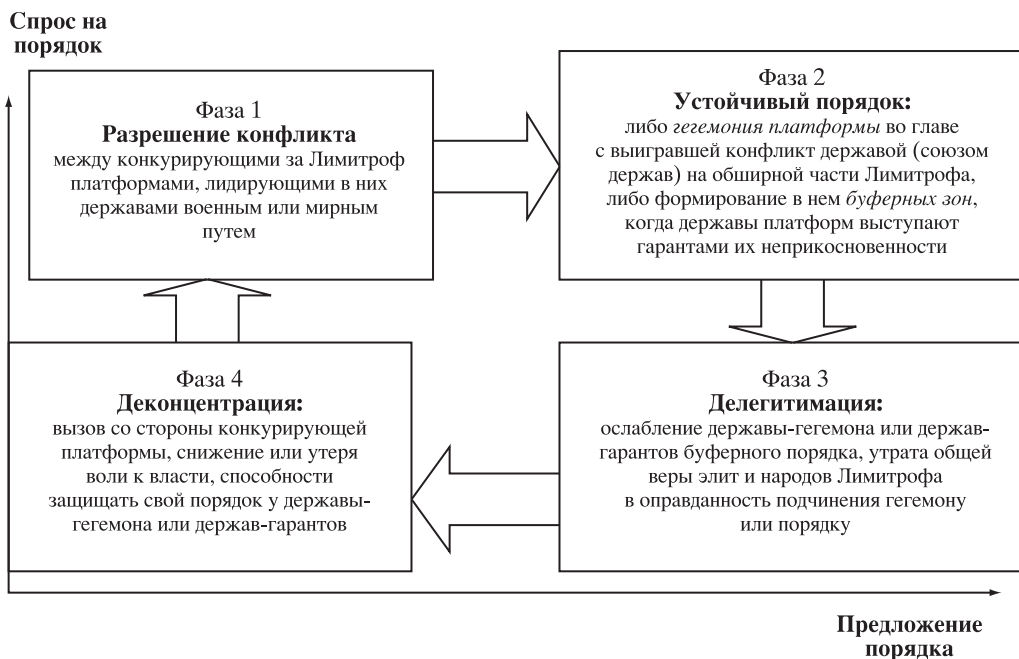

Рис. 5. Фазовая модель цикла смены гегемонии и порядка в отношении регионов Лимитрофа.

всегда достаточно обширные территории, всегда окраинные, сравнительно развитые и богатые, плотно населенные народами, которые либо этнокультурно достаточно однородны (как русские, китайцы-ханьцы, японцы, турки, индусы, арабы, персы), либо объединены общей историей, общими символами и ценностями (как западные европейцы).

Державы таких территорий по *первым двум принципам Коллинза* всегда имеют геополитическое преимущество над соседними более разрозненными, более центральными, менее населенными и менее богатыми регионами – то есть странами лимитрофов по Цымбурскому. Державы “платформ” время от времени захватывают геополитически центральные (блокированные) лимитрофные регионы, аннексируют, либо заключают с этими малыми странами неравноправные патронажно-клиентарные союзы. Неустойчивость таких результатов объясняется наличием по другую сторону от лимитрофных регионов других “платформ”, которые также на них претендуют. Разделы лимитрофных регионов и стран (Польша, Украина, Молдавия с Румынией, Финляндия с Карелией, Балканы, Кавказ и т.д.) всегда подпадают под *третий принцип* – “фрагментация геополитической середины”.

Когда “твердые платформы” входят в прямое соприкосновение друг с другом, резко возрастает вероятность “*решающих войн*”, согласно *четвертому принципу Коллинза* (наиболее яркие примеры: Отечественная война 1812 г., Вторая мировая война, “холодная война”).

Как правило, терпит поражение и несет основные территориальные потери та держава (объединитель своей “платформы”), которая одновременно попадает в *центральное положение*, согласно *второму принципу Коллинза*, и в наибольшей мере подвержена *сверхрастижению*, согласно *пятому принципу* (наполеоновская Франция, гитлеровская Германия, СССР с Варшавским блоком).

Платформы пытаются распространить контроль на доступные части Лимитрофа геополитически (военный захват, аннексия, патронаж, союз), геоэкономически (расширение рынков, покупка активов, инвестиции) и/или геокультурно (посылка миссий, прием паломников и учеников, распространение своей культуры, раздача грантов

и проч.). Как правило, эти каналы имеют тенденцию к взаимодополнению, а надежный контроль включает все три типа доминирования. Как видим, модель Цымбурского фактически имеет статус приложения общей теории Коллинза к конкретной географической и культурно-демографической ситуации Евразии.

Как совместить схему Модельски с уже объединенными выше концепциями Коллинза и Цымбурского? Ясно, что речь должна идти уже не о мировой гегемонии (Модельски в большей мере интересуется военно-морской гегемонией в Мировом океане), а об установлении и распаде геополитических порядков в Лимитрофе (см. рис. 5).

Модели геоэкономической динамики

“Геоэкономика” подобно “истории”, “географии”, “геополитике” – термин, обозначающий как отрасль познания, так и изучаемую ею реальность. Далее будем говорить о геоэкономике именно как о реальности, понимая под ней *сферу взаимодействий между сообществами разного масштаба и характера¹ относительно контроля над экономическими ресурсами, притом, что эти взаимодействия, контроль или сами ресурсы пересекают границы территориальной политической власти.*

Следует уточнить также отношение между геополитикой и геоэкономикой. Иногда геоэкономике полностью включают в геополитику, апеллируя к шведско-немецкой классике (Цымбурский), иногда, напротив, полностью включают геополитику как тему “гегемонии” в геоэкономическую сферу жизни миросистем (И. Валлерстайн, К. Чейз-Данн и др.), иногда пытаются объявить устаревшей геополитику и заменить ее геоэкономикой (Э. Люттвак, Э. Кочетов, А. Неклесса).

Если говорить о геополитике и геоэкономике как реальностях, то отчетливо видны две тесно взаимосвязанные, иногда почти сливающиеся (борьба за проливы или за нефть, вмешательство в монополию государства на сбор налогов), но все же *автономные* друг от друга сферы, в которых действуют отдельные “объективные логики” (динамические закономерности). Граница четко указана в определении: все, что касается контроля над экономическими ресурсами *в рамках имеющихся структур территориальной власти*, – это геоэкономика. Все, что касается *борьбы за сам этот территориальный контроль*, – это геополитика.

Геоэкономическая динамика включает закономерности развития рынков, накопления, концентрации капитала между странами, перемещения центров деловой активности, смену в механизмах обмена и перераспределения материальных и финансовых ресурсов, сдвиги в миросистемных статусах стран и т.п.

Закономерности развития рынков. Коллинз выделяет следующие общие черты динамики рынков на протяжении всей мировой истории [Collins, 1999, p. 172].

Зависимость рынков от типов собственности. Каждая форма рыночного обмена основана на особом типе собственности. Что-то должно быть присвоено, чтобы быть обмененным, а сам обмен состоит в передаче прав присвоения. Сами же типы собственности устанавливаются и поддерживаются политико-правовыми режимами, испытывают трансформации разной степени глубины при завоеваниях, революциях, кризисах, социокультурных и политических изменениях.

Неравномерная закрытость рынков. Рынки бывают полностью открытыми и предоставляющими равные возможности для всех желающих только в книгах по либеральной экономике. В реальности участие в рынке всегда стратифицировано в зависимости либо от расстояния, либо от политического контроля (особенно это касается продавцов – не всем выгодно добираться, не всех пускают, берут разные сборы за право продавать). Полная информация об условиях торговли обычно не известна

¹ Таковыми сообществами, или *геоэкономическими акторами*, могут быть, например, империи, национальные государства, городские и провинциальные элиты, международные организации, властные, сословные, производственные, торговые, финансовые группы, институты, центры, коалиции и т.д.

всем. Основная стратегия – непрекращающиеся попытки создания неконкурентных ниш или монополий. Поэтому всегда есть тенденция к установлению экономического неравенства.

Тенденция к расширению рынков. Несмотря на временные спады и сжатия, на протяжении долгого времени рынки расширяются в пространстве. Часто этому расширению сопутствует рост ограничений в доступе на рынок, особенно для производителей и продавцов.

Надстройка рынков. Развитый рынок какой-либо продукции обычно порождает надстроечный рынок относительно средств и условий самого обмена. Будущие и дальние обмены сами становятся товарами. Появляются пирамиды надстроенных друг над другом рынков. Деньги, долги, заклады, акции, права на покупку, лицензии становятся производными средствами на соответствующих рынках.

Неустойчивость рынков. Рынки по своей природе неустойчивы, склонны как к кратковременным подъемам-спадам, так и к глубоким кризисам в течение долгих периодов времени. Глубокие кризисы обычно ведут к разрушению основных форм обменов, трансформации социальных структур и смене форм собственности.

Обратим также внимание на *тесную взаимосвязь типов собственности, социально-политического устройства и предметов обмена*. Привычные рынки обмена товаров и услуг на деньги доминируют в той мере, в какой власть отделена от собственности и защищена автономия личности, то есть в наибольшей мере при капитализме и демократии.

Ритмы и этапы развития современной мир-экономики. Геоэкономическую динамику, значимую для России, составляют основные ритмы и этапы развития мир-экономики (европейской, затем мировой). Эти ритмы и этапы имеют собственные причины, иногда даже связанные с российской динамикой, но анализ этих причин выходит за рамки данного исследования.

Среди многочисленных моделей геоэкономических ритмов наибольшую популярность в миро-системном анализе и экономической истории (Й. Шумпетер, Ф. Бродель, А. Франк, И. Валлерстайн, Т. Хопкинс, К. Чейз-Данн, Т. Холл и др.) получили так называемые Кондратьевские циклы. Каждый такой цикл длится в среднем 45–60 лет и состоит из двух фаз:

- повышательная волна (А-фаза), расширение, процесс создания крупнейших монополий,

- понижательная волна (Б-фаза), упадок, появление на рынке новых конкурентов.

Вековые тренды (“логистики”) впервые выделены Р. Камероном. Они составляют период 150–300 лет и, как считает Валлерстайн, связаны с “циклами гегемонии” (см. выше концепцию Модельски). Эволюция капиталистической мир-экономики представляет собой чередование периодов соперничества и гегемонии государств ядра за контроль над миросистемой. Государство-гегемон (сильнейшее в ядре мир-экономики) устанавливает принципы, процедуры и правила поведения, общие для всех остальных акторов и всей международной системы в целом. Здесь нет полного политического контроля над окружением (что характерно для центра мир-империи), зато есть способность (финансовая, политическая, военная, идеологическая) принуждать другие государства к выполнению общих правил. Прослеживается следующая связь циклов гегемонии с Кондратьевскими циклами:

- фаза А1 – период восходящей гегемонии и острых конфликтов между претендентами (фазы “Деконцентрация” и начало “Глобальной войны” по Модельски);

- фаза Б1 – достижение победы в борьбе за гегемонию, новый гегемон обгоняет другие государства (победа новой коалиции в “Глобальной войне” и установление фазы “Мировая держава”);

- фаза А2 – зрелость (и структурное закрепление) гегемонии, члены коалиции накапливают экономический потенциал (фаза “Мировая держава”);

- фаза Б2 – постепенный упадок гегемонии, появление новых претендентов на гегемонию (фаза “Делегитимации”).

Механизмы геокультурной динамики

Вполне очевидно воздействие эффектов геополитического престижа и геоэкономического статуса страны на привлекательность ее культуры (философских и научных идей, литературы, искусства, музыки, кулинарии, моды и проч.). В аспекте “геополитика → геокультура” это касается, главным образом, воздействия культуры могучего лидера на элиты и население младших союзников после победы над общим грозным врагом. В аспекте “геоэкономика → геокультура” это касается воздействия культуры богатых и цветущих стран ядра на элиты и население его полупериферии, а также на компрадорскую элиту периферии.

Что же помимо геополитического и геоэкономического лидерства делает культуру страны привлекательной для других стран? Отмечу, что далеко не всегда это лидерство ведет к геокультурной экспансии. Могучие империи австрийских Габсбургов, Великих Моголов, Османов, Маньчжуров, многие арабские халифаты не особенно распространили культурное влияние за пределами своих имперских границ. Не следует слишком преувеличивать геокультурную значимость Российской империи и СССР². Богатейшие Саудовская Аравия, Объединенные Эмираты, Гонконг, Тайвань, Сингапур не слишком славятся своими культурными достижениями. Япония всерьез экспортирует разве что “аниме” и пару-тройку популярных писателей. Зато Франция и Великобритания, не говоря уж об Италии, хоть давно не являются ни геополитическими гегемонами, ни лидерами мировой экономики, уверенно сохраняют геокультурное лидерство во многих сферах. В чем же дело? Здесь на помощь приходит концепция цивилизационных центров как *зон культурного престижа* [Collins, 2002]. В число главных факторов формирования таких центров входят:

- наличие достаточной экономической основы для концентрации культурных производителей (либо за счет государственных и династических заказов в центрах империй, либо за счет роста престижного потребления буржуазии в городах – центрах мир-экономики);

- пересечение в этих центрах двух и более социальных сетей и соответствующих культурных традиций; плодотворное их сочетание, открывающее новые горизонты творчества;

- складывание разнообразных форм состязательности, бурные эмоционально насыщенные ритуалы признания новых культурных шедевров, что привлекает новые поколения желающих прославиться; институциональное закрепление этих институтов и практик;

- наличие и ресурсная обеспеченность стратегий культурного миссионерства (“гастроли” в широком смысле) и покровительства, учительства по отношению к приезжим ученикам и паломникам;

- встраивание протяженных сетевых отношений с другими культурными центрами в той же части света или в мире, активное восприятие и собственная переработка всех новшеств, а также разнообразного экзотического материала.

Читатель может проверить наличие и степень выраженности этих факторов для любого современного центра культуры мировой значимости – Парижа, Лондона, Милана, Москвы, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго и т.д. Наряду с подобными универсальными центрами, есть средоточия особенно активного и привлекательного интеллектуального (Оксфорд, Кембридж, Бостон, Принстон), музыкального (Вена, Зальцбург), художественного (Венеция, Амстердам) творчества.

Содержание идей, ценностей, символов, которые производятся в зарубежных и национальных центрах культурного творчества, во многом зависит от автономных процессов в узлах и сетях творцов, только опосредованно – через двушаговый механизм – от макроисторических событий [Коллинз, 2002]. Влияние этих символов на

² Широкая и долговременная популярность Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, П. Чайковского, С. Рахманинова, И. Бунина, Б. Пастернака, А. Шнитке, А. Тарковского – все же единичные случаи при сравнении с мировой известностью многих десятков французских, английских и немецких писателей, итальянских и австрийских композиторов, итальянских и французских кинорежиссеров и т.д.

становление идеологий акторов (политически влиятельных групп) в отдельной стране, например в России, еще более сложно и опосредовано: многое определяется сложившимся пересечением интеллектуальных и политических сетей, кто у кого учился, в каких кружках обрел какие убеждения, куда и к кому ездил в порядке паломничества, есть ли достаточно активные группы и каналы пропаганды новых идей, насколько они воспринимаются теми или иными слоями населения, и т.п.

Культурные процессы также характеризуются цикличностью и волнами. Временами в центрах геокультурного престижа наблюдается преобладание универсалистских идеологий (веротерпимость, просвещение, республиканизм, прогрессизм, марксизм, либерализм, демократия). По каким-то причинам они сменяются локалистскими идеологиями (религиозная нетерпимость, национально-ориентированный романтизм, шпенгерианство, расизм, идеи “столкновения цивилизаций” и проч.). Для России особенно значима также циклическая динамика идеологий в референтных западных странах (универсализм-локализм, левая социал-демократия – правый либерализм). Из-за обилия разномасштабных и случайных факторов сомнительно появление моделей, способных объяснять и предсказывать геокультурную и культурную динамику на протяжении двух и более поколений, разве что для показателей с “более крупной зернистостью”.

Остается пошаговый анализ примерно по такой схеме (ср. [Skocpol, 1994]). Есть расклад политических сил – акторов, соединенных с творческими группами, которые воспринимают, перерабатывают, продвигают и легитимируют идеи, важные для этих акторов. У каждого из таких политико-идеологических акторов есть “меню” идей (социально-политических концепций, ценностей, лозунгов и т.п.). Выбор совершается, с одной стороны, на основе доступности (тут значимы сетевые каналы!), приемлемости для лидеров и потенциальных групп поддержки; с другой – в соответствии с логикой идеологической борьбы и союзничества с иными группами, которые уже сделали или делают свой идейный выбор. Что именно появится в этих “меню”, зависит уже от конфигурации коалиционных и конфликтных процессов в сетевых узлах идейного творчества в национальных и наиболее референтных зарубежных центрах культурного престижа. Значимой интегральной переменной является *потенциал идеологической консолидации* – соответствие между унаследованными культурными стереотипами, установками наиболее существенных социальных групп и набором символов (святых, идей, ценностей), легитимирующих мобилизацию и государственное служение.

Геоэкономика России: сквозные инварианты

Специфика геоэкономической ситуации России состоит прежде всего в соседстве с бурно развивающейся европейской мир-экономикой и в наличии собственных богатых природных ресурсов (от пушнины и леса до нефти и газа). Это обуславливает структуру торговли (сырье в обмен на продукцию промышленности и продовольствие), финансовую зависимость, что в целом способствует хронической отсталости и рецидивам догоняющего развития.

Наряду с подъемами и спадами европейской и мировой экономики для России чрезвычайно важны *уровни спроса и цен на экспортную продукцию* (от леса и пеньки, чугуна и зерна до нынешних газа, нефти и того же леса), а также готовность западных стран давать кредиты, инвестировать и делиться технологиями. Здесь многое связано с неустойчивостью рынков (см. выше) и разовыми макрособытиями. Например, появилось североамериканское зерно – снизились спрос и цены на него; появились композитные материалы – снизились спрос и цены на металл, с появлением избытка свободных капиталов в Голландии, Англии, Франции, Германии, США растет предложение кредитов, инвестиций в разные проекты за рубежом, а при наличии благоприятных условий – в России.

Возможности теоретического моделирования такого рода явлений пока не рассматриваются. Единственное надежное (но не особенно воодушевляющее) обобщение состоит в том, что мировые рынки, как любые другие, неустойчивы. Поэтому никакая готовность давать дешевые кредиты, никакие высокие цены на экспортные, товары, особенно сырье, и никакой их рост *не бывают стабильными и длительными*.

Глубинные причины “главного русского спора”

Противостояние славянофильства (позже державного “патриотизма”) и западничества (вольтерьянства, гегельянства, марксизма или либерализма) много раз было осмеяно, объявлено устаревшим, бессмысленным, но, несмотря на все эти поверхностные публицистические или могучие интеллектуальные атаки, оно сохраняется и воспроизводится в поколениях лишь при легкой смене акцентов и терминологии. Геокультурное влияние Европы (и Запада в целом) на Россию переоценить невозможно. Причем, оно прослеживается не только в западничестве – “выборе свободы и демократии”. Внимательный анализ славянофильских, самобытных, евразийских, патриотических, националистических и т.п. взглядов свидетельствует о не меньшей референтности европейской и западной традиции в данных антизападнических воззрениях. Это выражается прежде всего в неосознанном принятии Европы (а со временем – и США) в качестве точки отсчета, главного оппонента, единственного культурного конкурента, того, от чего Россия принципиально отличается (разумеется, в лучшую сторону).

В обширной отечественной аналитике и публицистике, вероятно, можно найти детально проработанные и прочувствованные сравнения России как культуры и цивилизации, например, с Турцией, арабским миром, Индией, Китаем, Бразилией, Мексикой. Но даже если таковые сравнения и есть (а читателю приходилось с ними сталкиваться?), то они носят характер экзотический, чтобы не сказать – маргинальный.

Тема “Россия и Европа” (показательное название славянофильской книги-манифеста Н. Данилевского [Данилевский, 1991]) остается центральной и чуть ли не единственной в вопросах культурной самоидентификации нашей страны. Эта черта проявляется повсеместно – от традиционного европоцентризма школьных и вузовских учебников практически по всем дисциплинам до забавной привычки сибирских начальников измерять свои таежные края в “бельгиях” и “голландиях” (но почему-то не в “сириях”, “кениях” или “эквадорах”).

Итак, базовая социальная структура – *устойчивое отношение геокультурного доминирования Западной Европы над Россией*. Адепты, проповедники этой доминирующей культуры и суть российские западники, рефлексивное самосознание которых начинается с П. Чаадаева, а общее умонастроение и практика – еще с Андрея Курбского, Лжедмитрия и первых Романовых, наиболее ярко – с Петра I. Европейское доминирование в культуре страны – ситуация отнюдь не уникальная, но в российском случае она осложняется контрастом с громадной территорией, безусловно, имеющей для нас огромное *символическое значение могущества*, обуславливающее *идентичность “особости” и “величия”*, что и является смысловым корнем славянофильства – почвенничества – евразийства – державного патриотизма.

Еще один важный момент: европейцы, по большому счету, не признают Россию частью Европы, а граждан России – европейцами. Это прикрыто флером политкорректности, действительно крепкими и многосторонними культурными связями, особенно в интеллектуальной, литературной, художественной, музыкальной сферах. Однако глубинное неприятие все же проявляется, начиная от визового порядка и кончая нежеланием европейских девушек и женщин выходить замуж за российских мужчин³.

Итак, есть глубинные и воспроизводящиеся причины культурного раскола между западничеством и почвенничеством (державным патриотизмом). Следует говорить не

³ Обычно жен могут брать из самых разных мест, здесь важна внешность, адаптируемость, домовитость, причем, по этим параметрам русские и украинские невесты вполне конкурентоспособны. А вот мужья-иностранцы должны быть только из страны с равным и более высоким престижем. Русские женихи тут, увы, сильно проигрывают. “Брачная эмиграция остается почти исключительно женским явлением. Службы знакомств и брачные агентства не работают с российскими клиентами-мужчинами, желающими эмигрировать” [Кононова]. “У нас множество бизнес-вумен, которые готовы бросить свой бизнес и страну, чтобы переехать в Европейский союз и США, – говорит Соколов (директор брачного агентства). – Все наши клиентки интересуются такими местами, как Западная Европа, США, Канада и Австралия, – отмечает он. – Никто не хочет замуж за человека, живущего в Латинской Америке или Африке” (цит. по [Кононова]).

о том, насколько верен (близок истине) тот или иной взгляд, поскольку идентичности и мировоззрения вообще не поддаются эпистемическим критериям. Гораздо важнее осознать факт фундаментальной структурной обусловленности указанными тремя факторами этого противостояния – “главного русского спора”⁴.

Пока Россия сохраняет обширную территорию и большую армию с мощным оружием, пока европейцы не признают Россию равноправной частью Европы, пока при этом будет продолжаться в России сугубо западная (изначально и до сих пор преимущественно немецкая) традиция науки и образования, до тех пор продлится и культурный раскол – идеологическое противостояние между западничеством и почвенничеством-великодержавием.

Воздействие геополитики и геоэкономики на российские культурные и идеологические колебания

Наряду с постоянством самого раскола есть также известные волны приливов – роста популярности западничества, отливов – разочарования в нем и усиления почвенных, великодержавных настроений “особого пути” России. Чем же определяется эта динамика?

Интересное наблюдение сделал в свое время Цымбурский, связав эти волны со своим циклом “похищения Европы” и азиатскими интермедиями после – отбрасывания слишком расширившейся и агрессивной России к прежним пределам. Так, азиатская интермедия 1870–1905 гг. (от экспедиций Н. Пржевальского, захвата Средней Азии, аннексии Северного Китая до остановки – поражения от Японии в 1905 г.) имела весьма любопытное отражение в российской культуре того периода: «В плане культурном об этом времени прозорливо писал Мандельштам как о “домашнем периоде русской культуры”, который “прошел под знаком интеллигенции и народничества”, о поре “отпадения от великих европейских интересов, отторгнутости от великого лона, воспринимаемой почти как ересь”. Он датировал эту эпоху, “начиная с Аполлона Григорьева”, – для нас это значит: с Крымской войны. Это время горчаковского сосредоточения России и победоносцевской ненависти к Европе; время, когда народники прокламировали “некапиталистический путь”, Достоевский призывал русских найти себе новую судьбу в Азии, а Толстой потрясал православие проповедью своеобразного “буддизированного” христианства» [Цымбурский].

Нельзя сказать, что эта закономерность почилла в прошлом. Распад СССР, присоединение бывших сателлитов из Центральной Европы и Прибалтики к ЕС и НАТО – все это структурно вполне можно рассматривать как выигрыш Запада и геополитическое отступление России. Массовое разочарование россиян в реформах 1990-х гг., которые были восприняты как “западнические”, обида на очевидное “непринятие” в Европу, в круг “развитых цивилизованных стран” совместились с патриотическим подъемом в период второй Чеченской войны. Но ведь Северный Кавказ – своего рода “внутренняя Азия” в европейской части России. Соответственно, эта война может быть квалифицирована как своего рода третья “евразийская интермедия” – знак отчуждения от Запада и Европы.

Затем в начале 2000-х гг. начались пресловутое и во многом виртуальное “вставание с колен”, шапкозакидательские настроения, пропаганда “суверенной демократии” вкупе с повышенной активностью Кремля на Востоке (образование Шанхайской организации сотрудничества). В конце десятилетия – новая война на Кавказе (теперь уже с Грузией) и малоуспешные попытки создания военного блока в рамках СНГ.

⁴С. Цирель отмечает: “Спор между западниками и славянофилами (почвенниками и т.д.) продолжается, по меньшей мере, около двух веков, и несмотря на все перипетии, через которые прошла Россия в XX веке, конца ему не видно. Длительность и острота этого спора наводят на мысль, что каждая из сторон вправе претендовать на свою часть истины” (цит. по [Блехер, Любарский; 2003, с. 355]).

Итак, геокультура здесь во многом следует за геополитикой, то и следовало ожидать. Геоэкономический фактор также весьма силен и действие его, в общем, достаточно хорошо осознано даже на уровне публицистики. В период западных займов, гуманитарной помощи, надежд на западные инвестиции, на вхождение в мировой рынок (конец 1980-х и первые годы 1990-х) превалировали западнические настроения даже в массовом сознании. В 1990-е гг. происходил драматический перелом настроений с финальной точкой фрустрации – дефолтом 1998 г. Последующее десятилетие дорогой экспортной нефти, расплаты с внешними долгами, значительных валютных накоплений, ежегодного повышения уровня потребления знаменуются уже массовым державным патриотизмом, возвратом имперских и советских символов, антиамериканизмом как квинтэссенцией антизападничества. Действие этих общих закономерностей влияния геополитики и геоэкономики на геокультуру России вполне прозрачно. Что же можно сказать собственно о специфике геокультурной динамики России, по крайней мере, в сфере общественных и политических идей?

Сложная структура геокультурного влияния

При учете особой референтности для России стран Западной Европы и США⁵ целесообразно рассмотреть такие основные моменты:

- *собственная динамика идеологий, социальной и политической мысли Запада*, включая внешние геокультурные влияния, в том числе из России (достаточно вспомнить роль и авторитет М. Бакунина, Г. Плеханова, Л. Троцкого и В. Ленина);

- расклад и взаимосвязь *российских политических акторов* (движений, партий) и производящих идеологические продукты *интеллектуальных групп*, характер и направленность творчества последних;

- *меняющаяся восприимчивость* разных отечественных групп к разным западным идеологиям; их восприятие и соединение с унаследованными идеями (нередко более ранними заимствованиями с того же Запада), переработка и распространение;

- попытки *реализации* новых идей, общественно значимый *результат* и его различные идеологические трактовки;

- установление *отношения* к такому кругу идей, соответствующее *изменение восприимчивости* к новым волнам идей с Запада, *изменение направлений собственного творчества* в интеллектуальных группах и сетях России.

По сути дела, здесь уже намечен каркас большой исследовательской программы. Пока же можно указать только на ключевые переменные начальные гипотезы об их динамической взаимосвязи:

I. *Потенциал идеологической консолидации.* Эта гипотеза предполагает соответствие между унаследованными культурными стереотипами, установками наиболее значимых социальных групп и набором символов (святынь, идей, ценностей), легитимирующих мобилизацию и государственное служение. Очевидно, что данный фактор сильно влияет на уровень *государственного успеха*.

II. *Преобладание универсалистских идеологий* в центрах геокультурного престижа (веротерпимость, просвещение, республиканизм, прогрессизм, марксизм, либерализм, демократия) усиливает в России западнический крен в установках и поведении правящей группы, служилого класса и образованного общества. На этой основе вполне могут проводиться институциональные реформы. При геополитическом отчуждении России от Запада и соответствующей антизападной позиции правящей группы усиливаются радикальные протестные движения под текущими “общечеловеческими” лозунгами (будь то “конституция”, “освобождение труда” или “открытое общество”), что делегитимирует режим и приближает кризис.

III. *Преобладание локалистских идеологий* в центрах геокультурного престижа (религиозная нетерпимость, национально-ориентированный романтизм, шпенглеризм)

⁵ Увы, на порядок меньше внимания уделяется к происходящему во всех других странах, в том числе культурно принадлежащих Западу: Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

анство, расизм, идеи “столкновения цивилизаций” и проч.) усиливает в России идеи “особого пути”, “великодержавия”, почвенничества, самобытничества и т.д. Следствия – консервация режима, отказ от реформ, охранительство.

IV. *Циклическая динамика идеологий* в референтных западных странах (универсализм-локализм, левая социал-демократия – правый либерализм) сложным образом воздействует на политико-идеологический аспект протекания кризисов в России. С одной стороны, западнические движения подхватывают текущие доминирующие западные идеологии, их противники выстраивают свои контр-идеологии (обычно также имеющие западные корни, например, немецкий романтизм – для славянофильства, марксизм – для коммунистов-антилибералов), с другой – стремление привлечь на свою сторону массы трансформирует добывающиеся успеха идеологии в сторону сложившихся ранее стереотипов – смеси более архаичных идеологием с символами самоидентификации, обычно связанными с мифологизированными историческими триумфами.

При усилении западнических настроений в правящих и интеллектуальных элитах (времена начала царствований Екатерины II, Александра I и Александра II, Оттепель, Перестройка) внутренняя политика и идеология наиболее подвержены текущим фазам в идеологической динамике референтных западных стран: универсализм/локализм и обновление/консерватизм.

При соответствии воспринятой западной идеологии интересам и направленности стратегий российских влиятельных сил такое заимствование может быть относительно успешным и закрепляется в культуре (идеи “улучшения нравов” при Екатерине II, символ “народности” – кальки французского *nationalité*, марксистские принципы социальной справедливости с 1880-х гг., конституционализм и республиканизм в начале и конце XX в.).

При несоответствии воспринятой западной идеологии интересам и направленности стратегий российских влиятельных сил, она либо отвергается и дискредитируется, становясь жупелом (хотя в новых условиях может быть опять воспринята под новыми именами), либо подвергается радикальной трансформации. Среди отторгнутых, по крайней мере российскими правящими элитами и массами, символических систем, учений, можно назвать католицизм (“латинство”), протестантизм, масонство, эстетизм, феминизм, толерантность, мультикультурализм. Увы, в эту категорию попадают также свобода и демократия.

Рост популярности универсалистских и обновленческих идеологий на Западе приводит к усилению прогрессистских и либеральных умонастроений в среде российской интеллигенции. Это может поддерживать реформаторские настроения правящих групп (Оттепель и Перестройка, поддержка открытости и толерантности при Б. Ельцине). Однако в условиях противостояния авторитарной власти и радикализации оппозиции эти же обстоятельства ведут к наращиванию репрессий (Екатерина II против Н. Новикова и А. Радищева, Николай I против декабристов, петрашевцев, Александр III против народовольцев, И. Сталин против эсеперантов, “космополитов”, “низкопоклонства перед Западом”, Л. Брежнев и Ю. Андропов против диссидентов).

Рост популярности левых, протестных идей (протестантских, якобинских, социалистических, социал-демократических, национально-освободительных) влияет по-разному, в зависимости от идеологической самоидентификации российского авторитарного режима. При самодержавной, государственнической самоидентификации вероятна склонность к союзу с политическими противниками левых движений (претензия на роль “жандарма”); при “народной” (популистской), например коммунистической, самоидентификации вероятны попытки распространения влияния на международные левые движения (создание Третьего интернационала, поддержка “международного рабочего движения” и проч.).

Рост популярности локалистских, консервативных, в том числе авторитарных и тоталитарных, идеологий в Европе, как правило континентальной (немецкий националистический романтизм, шпенглеризм, фашизм, реакционные, расистские

изоляциялистские течения), приводит к появлению российских аналогов с упором на “почву” и “особый путь” (славянофильство, византизм М. Леонтьева, государственничество И. Ильина, евразийство и неоевразийство, русский фашизм).

* * *

Итак, геополитика, геоэкономика и геокультура, с одной стороны, теснейшим образом связаны, причем, основная структура этих взаимовлияний существенно проявилась при помощи представленных конструктивных моделей. С другой стороны, каждая из них является автономной динамической сферой, не сводимой ни к чему другому и обладающей собственными закономерностями. Учет этой сложности позволит развить теорию международных отношений на новом уровне – как комплекс динамических концепций с привлечением данных и моделей из широкого спектра социальных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блехер Л.И., Любарский Г.Ю.* Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. М., 2003.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // *Время мира*. Вып. 1. Новосибирск, 2000.
- Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- Кононова С.* Русская для брака (http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/russkaya_dlya_braka/).
- Модельски Дж.* Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия // *Время мира*. Вып. 3. Новосибирск, 2003.
- Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. 2002.
- Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Циклы похищения Европы (Большое примечание к ”Острову Россия”) (<http://old.russ.ru/antolog/inoe/cymbur.htm>).
- Цымбурский В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. М., 2000.
- Collins R.* Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // *International Sociology*. 2002. Vol.16 (3).
- Collins R.* Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, 1999.
- Skocpol Th.* Social Revolutions in the Modern World. New York. 1994.

© Н. Розов, 2011